Пятнадцать поцелуев

Ирина Мельникова

Ирина Мельникова
Пятнадцать поцелуев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69527779
ISBN 9785006040564

Аннотация

Вера выросла в семье, где деньгам придают значение больше, чем человеческому теплу и общению. В ее жизни всё расписано наперед – отдых за границей, учеба в престижном вузе, выгодное замужество… До тех пор, пока в её судьбе не появляется Саша. Парень вынужден сражаться за свое благополучие, совмещая учебу с работой и помогая маме. Казалось бы, что общего может быть у этих двоих? И могут ли они сблизиться, несмотря на неравенство, предубеждения и предательство близких? Всё решат 15 поцелуев…

Содержание

Часть 1. Первые пять поцелуев 5
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Пятнадцать поцелуев

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2023

ISBN 978-5-0060-4056-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Первые пять поцелуев

«Я сижу за небольшим сосновым столом лицом на север, где сквозь огромное окно номера отеля виднеется лилово-оранжевый закат над океаном.

Ещё мне видно кучку людей, которые пытаются поймать волну на доске, но пока у них это не очень получается. С другой стороны прогуливается пожилая парочка. Я так думаю, что они пожилые – мне отсюда не видно, слишком далеко, – но так неспешно и близко друг к другу обычно ходят лишь те, кто давно знаком и доверяет – скрывать уже нечего.

Я люблю наблюдать за людьми. Люблю общаться и убеждаться в очередной раз, какими витиеватыми узорами сплетается узор судьбы.

Здесь я могла наблюдать за другими сколько угодно – из окна номера, сидя на пляже или на террасе в кафе. Да ещё и пытаться вникнуть в чужую речь, чужой язык, который за время пребывания здесь я, кажется, начала понимать гораздо лучше.

Даже не верится, что до отлёта из этого райского места осталось всего три часа. Через три часа всё, что мне останется – это вид аэропорта через крохотное окошко иллюминатора, сотни фотографий в телефоне и горстка воспоминаний о том, что было и больше не повторится. Даже

если мы вернёмся сюда снова. Здесь будут другие люди, другая погода, не будет за стенкой милейших испанцев – родителей и их дочки Лолы, моей ровесницы.

Не люблю ностальгию, но зачем-то завела этот дневник. Наверное, от скуки. Вряд ли я буду перечитывать эти странички. Но уж если и начинать вести записи, то здесь, на Канарах.

Это место, где я смогла потренировать свои скудные знания испанского языка, увидеть сотни новых лиц, окунуться в океан, полюбоваться природой – она настолько гармонична, что не хочется отводить взгляд. Чистый воздух, комфортная температура воздуха. И сразу же вспоминается Москва, где сейчас, по прогнозам, серость, ветер и лишь пятнадцать градусов тепла – осень, одним словом».

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, мама напомнила, что пора собираться в аэропорт. Первая запись в дневнике так и осталась недописанной. Я просто захлопнула блокнот и убрала его в чемодан, который был уже практически собран.

Ещё раз подошла к панорамному окну и прислонилось лбом к стеклу.

Сказать, что мне не хочется уезжать – не сказать ничего.

Две недели счастья пролетели незаметно. И я совсем не успела соскучиться по прежней жизни: по Москве, приятелям, занятиям в ВУЗе.

Стук повторился через пару минут:

– Вера, ты готова?

Вместо ответа я широко распахнула дверь и выкатила чемодан. Его тут же подхватил служащий отеля.

Мама смахнула со своего плеча волосы, поправила и без того элегантную блузу. Даже на отдыхе она не позволяет себе расслабиться и «запустить» внешний вид. Мне иногда кажется, что она даже спит с макияжем и причёской на случай, если её вдруг вызовут по какому-нибудь важному вопросу.

– Пойдём. Валера! – обернулась она, поторапливая отца.

Он плёлся сзади и разговаривал по телефону. Махнул рукой: идите.

– Представляю, сейчас в Москве холодно, сыро. Да ещё и время на три часа вперёд, – недовольно фыркнула мама.

Я почти не слышала её, расстроенная тем, что жизнь снова возвращается на круги своя. Когда мы приедем, в Москве будет утро. Завтра суббота, потом воскресенье, а с понедельника снова на пары.

Не то чтобы я не любила учиться – журфак выбрала сама и ни разу не пожалела. Коллектив у нас хороший, преподаватели отменные, большинство предметов мне нравились и давались легко. Но тех, кто мечтает, чтобы отпуск закончился и вновь наступили привычные будни – единицы. И это точно не я.

Добраться до аэропорта удалось практически без пробок, рейс отправился вовремя. Перелёт сложный – 10 часов с пе-

ресадкой в Мадриде. И лишь когда мы вторично оторвались от земли в столице Испании, я смогла задремать.

Летала я с детства – наверное, лет с трёх. Раз в год регулярно мы отдыхали на море или у океана, а если удавалось, выбирались с мамой в течение года ещё и в Европу. Не сказать, что мы с ней отлично ладим и лучшей компании друг для друга представить не можем. Мы просто друг к другу не лезем. Сперва идёт шопинг – негласное правило, установленное родительницей, потом – экскурсии.

Я привыкла. Я знаю, чего ожидать от своей семьи, от своей жизни и, в какой-то степени, от своего будущего, к которому родители, несомненно, намерены приложить руку. Уж, как минимум, подбирая мне «достойную пару».

На отдыхе я хорошо выспалась, поэтому подремать в самолёте удалось лишь пару часов, а после я, как могла, развлекалась – читала, смотрела фильм или слушала музыку, бездумно устремив взгляд в окно иллюминатора.

Едва мы ступили на землю и погрузили багаж в поданное водителем авто, отец опять схватился за телефон. И это несмотря на раннее утро.

Папа вечно по уши погружен в свои бесчисленные планёрки, доставки. Только об этом и думает. Только об этом и говорит. Ничего кроме не видит и не слышит.

Мама работает при нём же – числится кем-то вроде бухгалтера, но это работа для души. Захотела – пришла, захотела – ушла. Она больше наводит шороху у отца на работе, ко-

гда вдруг решает пересмотреть все бумаги, изучить финансовые документы. Мы с ней живём в иерархии. Подругами нас точно не назовёшь. Скорее, мы из тех, кто живёт рядом лишь потому, что связан семейными узами. Это жестоко, скажете вы, так говорить о родной матери. Нет, я уверена, она меня любит. Как-то по-своему. Потому что характер у неё жёсткий, совсем не женский. Сочувствия даже к самым близким она напрочь лишена. И я не знала, что бывают какие-то другие отношения в семье, пока не стала общаться со своими подругами и бывать у них дома. Вот там у меня и открылись глаза. Вот там я увидела другую жизнь. Другое богатство. Но, видимо, в жизни всё устроено как в сказке «Дудочка и кувшинчик» (или в сказке как в жизни) – либо одно даётся, либо другое. Либо деньги, либо хорошие отношения внутри семьи. Подруги завидовали моим финансовым возможностям, а я – их семейным традициям и совместному досугу с родителями, которого начисто была лишена с детства.

Я не выбирала то, что имею, но и не жалуюсь. Проблем с деньгами у нас и правда никогда не было. Наверное, потому, что отец на девяносто девять процентов принадлежит своей фирме и лишь на один процент – иногда, раз в год за границей – своей семье.

Но друг в семье у меня всё-таки есть – кошка Шанель – серая шотландская красотка, по которой я очень соскучилась! И первое, что сделала, переступив порог квартиры – конечно же, бросилась её обнимать.

Потом перекусила – в холодильнике благодаря помощнице по хозяйству Лиде еда была всегда, а после взялась за литературу по журналистике. Но успела прочитать лишь два абзаца как зазвонил телефон.

На экране высветилось имя однокурсницы Алёны. Удивительно, как они распознают, что я дома? Я, конечно, говорила, какого числа прилетаю, но звонить в девять утра… А вдруг я сплю?

Тем не менее ответила.

– Привет, Верунчик! Ты приземлилась?

«К сожалению, да», – подумала я.

Ещё как приземлилась. Серое небо за окном, учебники на столе, с понедельника надо «хвосты» подтягивать за те прогулы, что я получила, находясь на Канарах…

Вместо развёрнутого отзыва об отдыхе, который наверняка ждала Алёна, ответила коротко:

– Да. Привет.

– Тогда хочу пригласить тебя на наш квартирник сегодня вечером. Я, конечно, понимаю, что после курорта в Испании тусовкой в однушке тебя не удивишь, но всё-таки надеюсь, что ты почтишь нас своим вниманием хотя бы на пару часиков. Я соскучилась – жуть!

Алёнка была простой и приятной в общении. Мы с ней сразу сошлись. Пусть не близко – секреты я никому не доверяла, – но зато часто проводили время вместе на переменах, ходили в театры, сидели на лекциях рядом и помогали друг

другу с заданиями.

Алёна была из приличной семьи в Красноярске. В Москву приехала учиться и снимала здесь неплохую квартиру в одном из районов столицы. А благодаря своему компанейскому характеру за два года обзавелась огромным количеством друзей, которых и созывала порой по поводу и без на свои «квартирники». Отличный вариант для тех, кто не может позволить себе тусовку, так как живёт с родителями (хотя многие, я знаю, снимают для этих целей квартиры посуточно), но при этом и клубы не очень-то любит. Алёнка водилась с разными личностями – и тусовщиками, и скромниками. Порой друзья приводили друзей, и уже не поймёшь, кто там был чей знакомый. Но это были приличные вечеринки. Никаких запрещённых веществ, бессовестных парочек по углам. Алкоголь – да, бывало, но в умеренных дозах. Обычно ребята играли в фанты, в лото на желание, настольный хоккей, твистер и всякие разные народные забавы.

Поэтому, немного поколебавшись, я согласилась. Чего сидеть дома? Пора возвращаться в компанию.

В Алёнину квартиру набилась огромная толпа людей. Вечеринка была в самом разгаре, хотя я задержалась всего на сорок минут, о чём честно предупредила подругу по телефону.

Войдя в комнату, окинула помещение взглядом в поисках хозяйки квартиры и тут же наткнулась взглядом на симпа-

тичного парня с коротко стриженными тёмно-русыми волосами. Он сидел на подлокотнике кресла, а вокруг него крутилась стайка мило щебечущих девушек. Вряд ли это была его компания – насколько я успела заметить, он беседовал с парнем, сидящим рядом.

– Это Саша, – сказала подруга, заметив мой любопытный взгляд, и я вздрогнула от неожиданности.

Она засмеялась и показалась из-за моей спины, являя себя миру. Покрутилась, демонстрируя короткое воздушное платье в пайетках.

– Шикарно, – произнесла я, потому что этого от меня и ждали.

Алёнка расцвела.

– Ты тоже красотка. Загорела или мне кажется?

– Немножко, – ответила я, всё ещё чувствуя себя не в своей тарелке.

Алёна снова взглянула на Сашу, который не обращал на нас никакого внимания, и заявила со смехом:

– Он очень сложный организм.

– Вот как, – ответила я и, следуя её примеру, присела на старенький дермантиновый диван. И, не желая продолжать эту тему, перевела стрелки: – Ну как вы тут? Что нового на занятиях?

– Смеёшься что ли? Что у нас может быть *нового*, – выделила она последнее слово, немного скривившись. – Лавров, говорят, собирается на пенсию. Зачем, спрашивается,

учебный год начинал? Кто у нас тогда будет вести профессиональную этику?

Я пожала плечами.

– А, Катька Самохина собирается замуж. Говорят, по залёту.

– За того парня, из параллельной группы?

– Ой, да кто их там разберёт. Они то сойдутся, то разойдутся. Потом будут к Малахову ходить, выяснять, чей ребёнок.

На самом деле наша однокурсница Катя расставалась со своим парнем только однажды, потом сошлись, и то через весьма короткое время. Но почему-то это дало повод многим так говорить: «сошлись-разошлись» – и Алёна не первая, от кого я это слышала. Однажды в разговоре расхожая фразочка вырвалась и у меня, но я тут же прикусила язык. Слушать о других – да, могу, но говорить много ни о себе, ни об окружающих не умею и не считаю нужным. Я закрытый тип личности. Как скажет Алёнка – «сложный организм».

– Ну а ты как? – снова сместила подруга фокус на мою личность.

– Вообще, странное состояние в последние дни. Какой-то накатил депресняк. И усталость постоянная. Может, просто осень. Или витаминов не хватает.

– Парня тебе не хватает, вот чего! – важно изрекла однокурсница.

– Да ну тебя, – отмахнулась я. – При чём тут парень? Это

перестройка организма. Из тепла и лета в сырую осень – думаешь, легко?

– А по-твоему, лучше было не ездить совсем?

– Не лучше, – вздохнула я, соглашаясь. Дни на острове были потрясающими. – Кстати, я же тебе подарки привезла! Там, в коридоре оставила. Надеюсь, никто не утащит?

– Ты ж моя умница! Не забыла про свою подругу дней суровых.

Мы отправились на кухню на разбор заграничных сувениров, который длился пару минут, а после Алёна снова взошла на старые рельсы.

У моих подруг есть проблема: я до сих пор ни с кем не встречаюсь. Отношения в школе не в счёт – о них и знают не все. И я не знаю, как им, бедняжкам, помочь. Как объяснить, что меня устраивает то, что есть? Что почти всю свою жизнь я и так состою в отношениях – хоть и воображаемых, зато каких прекрасных и романтических! И, главное, я от этого ничего не теряю: ни себя, ни время, ни деньги, ни подруг.

Как говорила Людмила Гурченко: «У меня всю жизнь была одна пламенная, постоянная, необъятная любовь… только объекты менялись».

Меня вообще поражает такое отношение к девушкам: «Нет парня? Бедненькая, как же ты, должно быть, несчастна». Но в мире много вещей, занятий и людей, которым стоит посвящать время и силы. У меня отличная жизнь, я не чув-

ствую себя ущербно. Даже наоборот, я счастлива. Только мне никто не верит. Где, говорят, твой парень? Когда, говорят, он появится? Погодите-ка, дайте открою путеводитель, чтобы посмотреть, где он сейчас и через сколько окажется перед моим носом.

Где, говорят они, отношения, паника по поводу «что надеть», «что подарить» и прочим вопросам? Когда ты как все нормальные люди займёшься своей личной жизнью вместо того, чтобы заниматься ерундой?

А я, простите, чем занимаюсь? Личная жизнь не состоит их одних лишь парней!

Но иногда от таких высказываний в свой адрес становится неприятно. Особенно когда с энтузиазмом рассказываешь кому-нибудь как прошёл день или про книжку, которая произвела впечатление, а в ответ: «Поня-я-ятно… Ну а на личном как? С кем день влюблённых встречать будешь?» И мне на минуту кажется, что со мной и правда что-то не так. Что нормальный человек в преддверии этого праздника должен бегать по городу и срочно разыскивать себе хоть какого-нибудь мужика. Иначе – не жизнь.

Такие уж стереотипы в обществе: мужчина может быть один – и счастлив, а женщина – нет.

Влияние стереотипов очень сильно. Трудно жить и не обращать внимания на то, чего от тебя ожидают и даже требуют семья и общество. Тяжело не поддаваться давлению и не объявлять войну тем, кто считает, что ты живёшь неправильно.

Я уже выработала стандартный ответ, который немного варьировался раз от раза, но в целом звучал так: «Это не я его не встретила, это он меня ещё не нашёл». Все обычно смеялись или выдавливали жалостливую улыбку (в зависимости от интеллекта) и переключались на другую тему.

А что касается парней… Наверное, у меня на лбу написан код, и парни легко его считывают: «Либо серьёзно, либо никак». А потому как взрослых парней в моей компании не водится, а лишь двадцатилетние или около того – «серьёзность» для них – хуже смерти. Им надо подумать. Ещё раз подумать. И ещё с мамой для пущей убедительности посоветоваться. А то как нарвутся на какую-нибудь акулу, которая выпотрошит из них всё имущество и все нервы. Да и вообще, отношения – это ответственность. Надо постоянно о человеке помнить, интересоваться, заботу проявлять. К чему такие трудности? Успеется. Потом как-нибудь.

– Лучше расскажи про своего этого… кудрявого, – засмеялась я, толкая подругу на откровения.

Она тут же сделала вид, что набычилась:

– А что ты имеешь против него?

– Он пофигист и ругается матом, – не полезла за словом в карман и я.

Алёнка засмеялась:

– Уж это я как-нибудь переживу. Я их, кстати, с мамой на днях познакомила. Она в прошлые выходные ко мне в Москву приезжала, солений всяких на месяц вперёд при-

везла. Если их все не умнут сегодня, конечно.

– И? – уже предвкушая реакцию мамы, поинтересовалась я.

– Мама как увидела его, сказала: «Господи!», – подруга театрально закатила глаза, прижала ладонь к груди и откинула назад голову, изображая реакцию мамы в лицах.

Я не смогла сдержать смех. Представляю, что сказала бы моя мама, увидев такого «жениха».

Алёнкин Слава и впрямь был парнем весьма… специфическим. Для таких старая неглаженная футболка и слегка помятая внешность говорит не о неряшливости, а о верности каким-то своим идеалам. И где она его подхватила? Кажется, это он её подхватил прошлой зимой на катке, когда она едва не упала. Она рассказывала, но я не слишком внимательно слушала.

Удивительно, что он сегодня не здесь… Наверняка на каких-то сборах технарей – он их часто посещает и никогда не пропускает – это святое. С квартирником не сравнится.

Алёну вызвали в общую комнату, и я осталась на кухне ещё на пару минут. Написала смс-ку маме о том, что добралась, пролистала ленту соцсетей и уже собиралась присоединиться к шумной компании, когда увидела в дверях Максима. Кажется, это Алёнин одноклассник. Мы знакомились в прошлый раз и даже пообщались немного. Помню, он всё выспрашивал меня о семье и как-то двусмысленно высказывался о «богачах», чем поставил в неудобное положение

Алёну, которая, как могла, спасала ситуацию и меня, не выбиравшую, в какой семье родиться.

– Привет, – поздоровалась я, подумывая, будет ли слишком невежливо уйти прямо сейчас.

– Даже не верится, что такие важные птицы с рабочим классом знаются, – хмыкнул он и добавил: – Ну, здравствуй.

Вроде как пошутил, но я серьёзно посмотрела на него и, чуть помедлив, тихо сказала:

– И я тебя рада видеть, Максим.

– О-о, даже имя моё запомнила. Я твоё тоже, Вера. Что ты обычно пьёшь? – разглядывая ещё закупоренные бутылки на столе, поинтересовался парень.

Мне было неприятно с ним находиться, тем более тет-а-тет, но угрозы я не чувствовала, а вежливости, несмотря на все стереотипы о «богачах», меня всё-таки научили.

– Обычно я не пью.

– Как скучно. Ну, сегодня не помешает, – и он ловко открыл одну из бутылок – кажется, мартини.

– Но… – попыталась возразить я, однако он уже сунул мне в руки стакан, называя напиток, но я не расслышала.

Я хладнокровно отставила стакан на подоконник, не сводя взгляда с парня. Это было похоже не безмолвную дуэль – кто кого? И зачем ему меня спаивать?

Максим снова взял в руки стакан и протянул мне.

– Хватит быть такой букой. Пей до дна, – и улыбнулся коварно, добавляя: – Проснёшься не одна.

Я бы и хотела уйти, но он перекрыл мне дорогу, практически прижимая к подоконнику. Обойти его мешал кухонный стол. Пространство здесь было весьма ограничено.

Мне не было страшно. Но было противно. Хочет заставить меня выпить? Не выйдет.

Однако сообразить, что делать дальше, я не успела.

– Не хочет девушка пить, не слышишь? – и тут же стакан из рук Максима ловко выдернули и поставили на стол.

Саша – «сложный организм».

Я не смогла сдержать улыбку и наклонила голову, чтобы скрыть лицо волосами и не выдать себя.

Пару секунд Максим явно тупил, думая, что делать дальше. Потом поднял руки вверх, словно сдаваясь:

– Ладно, ребята, я понял. Счастливо!

Я хмыкнула и протянула руку своему спасителю:

– Привет. Спасибо. Вера.

– Привет. Саша. Алёна о тебе рассказывала.

Мои брови удивлённо подскочили, но вместо рвавшегося наружу вопроса я лишь пошутила:

– Надеюсь, не то, за что мне потом будет стыдно?

Он засмеялся.

– Боишься его? – качнул головой в сторону двери, где недавно исчез Максим.

Его улыбка мне понравилась: открытая, искренняя, доброжелательная. Да и сам он был весьма привлекательным.

– Не боюсь, а опасаюсь, – улыбнулась в ответ.

Разговор завязался сам собой. Оказалось, что он, как и я, любит читать фантастику, смотрит французское кино, интересуется живописью «на уровне любителя».

Мне понравилась глубина его взглядов, разносторонние интересы. Приятно встретить человека, с которым можно просто пообщаться. Вокруг столько хамов, которые гнут пальцы и кривят лица от презрения к остальным. Они думают, что знают всё и не признают инакомыслие.

Саша что-то рассказывал, а я смотрела ему в глаза – потому что куда же ещё смотреть, когда общаешься с человеком? Глаза у него обычные, карие, но ресницы… Длинные, густые. Такими только улицы мести.

Помню, однажды, ещё на первом курсе Алёне понравился парень с таким же длинными ресницами, и она всё говорила, что влюбилась именно из-за этого:

– Как взмахнёт ими – все мухи в испуге разлетаются, – вспомнила я её фразочку и чуть не рассмеялась. Это выглядело бы нелепо, и как бы я объяснила свою реакцию?

В общую комнату мы уже не вернулись. Проболтав около часа, я засобиралась домой. Веселиться вместе со всеми совершенно не хотелось, а встречаться снова с Максимом – тем более.

Неожиданно Саша заявил:

– Не возражаешь, я провожу? При нынешнем обострении криминальной ситуации я никак не могу отпустить тебя одну.

Я не возражала – я была за.

Мы выскользнули из квартиры почти незаметно. Мелькнула мысль, что нужно попрощаться с Алёной, но я решила, что напишу ей потом. Извинюсь и всё объясню. Отвечать на вопросы сейчас мне не хотелось.

На улице похолодало. Ветер продувал насквозь и мне почти не верилось, что ещё вчера я провожала тёплый южный закат и была далеко отсюда.

К счастью, идти до метро было не больше пяти минут.

Когда-то я воевала с родителями: они настаивали, чтобы меня всюду возил водитель, а я была против, ведь это выделяло меня из толпы, заставляло других чувствовать моё превосходство и мешало нормально общаться со сверстниками. Пару раз я просто сбегала, вероятно, подставив водителя. Но таким образом всё же добилась желаемого – свободы передвижения.

Пока шли к метро, я всё ждала, когда Саша скажет: «Ну всё, пока, мне пора возвращаться». Но он спустился со мной в подземку, встал на ступеньку эскалатора и повернулся – мы оказались лицом к лицу.

В груди что-то дёрнулось. Сердце?

Я едва сдержала смех от этой мысли. Но в то же время тело словно сковала нервная дрожь.

Я отвела взгляд, притворяясь, что рассматриваю прохожих. Потом снова перевела взгляд на Сашу. Вот так, молча переглядываясь, мы и проехали этот путь вниз длиной при-

мерно в одну минуту.

Не знаю, чего больше я испытала за эти секунды. Смущение? Зарождающуюся привязанность? А, может, одно без другого и невозможно?

– Нам куда? – спросил Саша так, словно это подразумевалось само собой.

Я назвала станцию и лишь потом сообразила, что провожать он меня, скорее всего, захочет до самого дома. А увидев наш дом – элитную высотку – сразу поймёт, с кем связался и точно сбежит. Не каждый парень «потянет» такую девушку. И часто те, с кем как раз быть хотелось бы, сбегают, едва узнав об уровне нашей семьи.

В этом плане деньги всё портили. Я не стремилась выйти замуж за «ровню», хотя моя мама считает, что иной вариант невозможен. Но зачем деньги, если нет душевной привязанности? Я насмотрелась на такие семьи вдоволь. Да и семьи ли это? Можно ли назвать семьёй нашу «ячейку общества»? У моих родителей, скорее, партнёрский брак – никаких совместных интересов, бесед о личном за ужином, тёплых взглядов, объятий, поцелуев украдкой. Да и было ли это когда-нибудь? Я не спрашивала, но всегда видела лишь то, что сейчас – каждый сам по себе. Из общего у нас на троих только квартира и фамилия.

Доехали мы быстро, за каких-то двадцать минут. Идти до моего дома было ещё меньше, но я умышленно повернула в другую сторону, полагая, что смогу выпутаться из ситу-

ации, не разоблачая себя.

– Я надеюсь, ты не очень торопишься? Не хотелось бы, чтобы вечер так быстро заканчивался… – пролепетала, взглянув на своего спутника.

Немного уверенности мне, конечно, не помешало бы. Но вдруг я ошиблась, и за его галантным жестом стоит лишь формальная вежливость? Однако парень улыбнулся и коротко, не раздумывая, ответил:

– Я с удовольствием.

А потом согнул руку в локте и встал чуть ближе ко мне, чтобы я могла на него опереться.

Ветер здесь был гораздо тише, и вскоре я совершенно перестала обращать на это внимание.

Мы шли и шли, всё говорили и говорили. Саша оказался невероятно умным. Я даже представить себе не могла, что такие люди есть на свете. Кажется, он знал абсолютно всё!

Я рассказывала истории из своей школьной жизни, он – про секцию футбола и кружок авиаконструкторов, где занимался с шести лет.

Я слушала его и мучилась вопросом: «Интересно, телефон попросит?». И в тот же момент он спросил:

– Надеюсь, ты дашь мне свой номер? – словно мысли мои прочитал.

Я не могла ответить отказом, тем более что сама хотела того же – новой с ним встречи.

Обменявшись контактами, мы вновь свернули, попадая

на одну из оживлённых улиц с яркими витринами, громкими вывесками и роскошными ресторанами. В некоторых из них мы бывали, но чаще родители ходили туда без меня – на всякие деловые встречи.

У входа толпился народ: кто-то вышел покурить, одна явно дорого одетая пара выясняла отношения, привлекая к себе внимание прохожих. Мне хотелось вжать голову в плечи от этой сцены. Хорошо, что родители никогда не ругались на публике. Если случались конфликты, они «держали лицо» или вели холодную войну. Эмоции – это не про них. Не в семейной жизни уж точно.

Саша вдруг фыркнул, отворачиваясь от представившейся нам картины.

– Ты чего? – спросила я.

– Жалкое зрелище. Люди, которые мнят о себе невесть что, а на самом деле, как в поговорке: пустая бочка звенит громче всех.

– Не все же такие, – попыталась вставить свои «пять копеек», чувствуя себя неловко.

– Ты думаешь? – недоверчиво произнёс он. – Их жизнь проходит в заботах о материальном благополучии и этим, по большей части, ограничивается.

Я не нашлась, что сказать. Разве объяснишь? Да и стоит ли? В любой среде есть люди плохие и хорошие, щедрые и скупые, друзья и лицемеры.

– Ты расстроилась? Я тебя чем-то обидел? – взглянув

на меня, тут же заметил он перемену в моём настроении.

Я моментально натянула улыбку.

– Нет, что ты. Просто задумалась. Домой уже пора.

– Родители, наверное, волнуются?

Да уж, наверное. Мама, закончив шопинг, рванула, пожалуй, к подругам – и это до поздней ночи. А у отца снова дела, бесконечные переговоры, бизнес-партнёры.

Врать не хотелось, и я ответила на вопрос дежурной улыбкой.

– Ну, где твой дом? – спросил Саша.

– Да тут, неподалёку, – откликнулась я, судорожно соображая, что же придумать.

Мы свернули в какой-то двор, и тут дверь подъезда открылась.

– Не закрывайте, пожалуйста! – крикнула я, надеясь на удачу. И она улыбнулась. Незнакомец исчез в темноте, оставляя для меня дверь подъезда открытой.

– Ну вот, я пришла, – улыбнулась, хватаясь за дверь: не дай Бог закроется.

– Я рад, что мы познакомились, – сказал Саша.

– Я тоже, – совершенно искренне произнесла я в ответ.

– Созвонимся.

– Пока.

Закрыв за собой дверь, я прислонилась спиной к стене. Фух! Надо дождаться, пока он уйдёт, и мчаться домой.

Минут пять я провела в засаде, надеясь, что этого времени

Саше хватит, чтобы уйти. А затем осторожно выскользнула из подъезда и, оглядываясь по сторонам, засеменила обратно. Выйдя из дворов в центр, выдохнула свободнее – здесь можно было слиться с толпой и не спешить.

Ситуация была отвратительная. Врать я не люблю, но здесь чувствовала: если скажу правду – больше его не увижу. А новой встречи очень хотелось.

Телефон в руке начал вибрировать, и я, взглянув на дисплей, ответила.

– Ты куда делась? – без предисловий начала Алёна.

– Прости меня, пожалуйста. Просто устала после перелёта, а у тебя слишком шумно.

– Надеюсь, Александр развеял твою усталость? – игриво вставила она.

– Заметила? – ахнула я.

– А то! Да ладно, вы неплохо смотритесь вместе. Только не забудь, кто вас свёл, ага? Если у вас всё будет серьёзно, я хочу быть свидетельницей на свадьбе.

– Алён, ты шутишь? – фыркнула я. – Он просто меня проводил.

– Ну и как, ты пригласила его на бокальчик испанского вина?

Поколебавшись пару секунд, созналась:

– Нет. Он не знает, где я живу.

– В смысле? Он же ушел тебя провожать. Или вы в метро разошлись?

– Он проводил, но я специально вела его в другую сторону. Алён, ну как я ему покажу свой дом и скажу: «А ты знаешь, мой папа…» – и больше я его не увижу. Он ведь из другой семьи, верно?

– Ну да, – задумчиво протянула подруга. – Тебя это смущает?

– Меня – нет, но его, думаю, смутит. А я не хочу сразу же портить отношения или возводить их в ранг социального уровня. Не сейчас, по крайней мере.

– Понимаю, – выдохнула она. – И что дальше?

Судя по тому, что на заднем фоне у неё было тихо, квартирник закончился.

– Не знаю. Мы обменялись номерами, буду ждать.

– Вообще, он парень положительный. Учится на айтишника, вполне может догнать со временем твой социальный уровень. Особенно если твой папочка подсуетится и поможет ему попасть в хорошую фирму.

– Алён…

– Ладно, ладно.

– Мне ещё нужна будет твоя помощь…

– Какого рода?

– Нужно сходить в торговый центр, присмотреть что-нибудь… Ну, попроще.

– Ой, не заморачивайся! Можно подумать, парни разбираются в шмотках.

– Думаешь?

– Конечно. Тут другое страшно: ему может кто-нибудь рассказать о тебе – случайно. Ну, про родителей. Или сама проболтаешься. Как выкручиваться-то потом будешь?

– Я не знаю. Но, думаю, через пару встреч – если они, конечно, будут – всё станет ясно, и тогда уже можно решать – либо мы идём на сближение и доверяем друг другу, либо просто расходимся в разные стороны, и тогда всё это будет уже совершенно неважно.

– Тоже верно, – согласилась Алёна.

– Алён, а ты с ним как познакомилась? – поинтересовалась я, признавая, что любая информация о нём мне сейчас очень нужна.

– С Сашкой? О-о, ну ты же знаешь мою способность обзаводиться связями! Я когда только приехала, на Красногвардейской жила. Так вот, мы были соседями – он там до сих пор обитает. А я уже год как здесь, но связь с нужными людьми поддерживаю. Он мне знаешь сколько раз с компьютером помогал? Да и просто парень он хороший. Но это, я думаю, ты и так заметила. Не зря же я к тебе его отправила.

– В смысле – отправила? – я даже затормозила на месте.

К счастью, следующий за мной пешеход соблюдал дистанцию и сумел не врезаться в мою спину.

– Ой, ну, подумаешь – специально отправила его на кухню, говорю: «Пойди, посмотри, кто там есть, позови к столу, сейчас будет тост. А я пока салатики всем разложу». Я даже не думала, что всё выйдет так замечательно и вы с первого

раза общий язык найдёте.

У меня пересохло во рту. Представляю, как нелепо это выглядело со стороны…

– Да не парься ты, он ничего не заметил! Всё ж отлично получилось!

– Алён, твоими благими намерениями устланная дорога сама знаешь, куда ведёт.

– Ну и куда же? – фыркнула она. – И это вместо благодарности! Спасибо, подруга.

– Ну прости, – тут же пошла на попятную я. – Просто как-то неловко.

– Если бы я не призналась, ты бы так ничего и не узнала. Можешь просто забыть и радоваться своему счастью. Завтра он позвонит и…

– Если позвонит, – вставила я.

– Ну, не завтра так послезавтра. Позвонит. Можем поспорить.

Спорить я не стала. А вместо этого спросила:

– А у тебя что, вечеринка уже закончилась?

– Ага. Посуду мыть неохота, вот и оттягиваю время как могу, – засмеялась она. – Ты до дома-то добралась? Твои всю Москву на уши не поставят?

– Почти добралась. За родителей можешь не переживать: отца захлестнули дела, мать с подругами умчалась, потом у них в обязательной программе стоит ресторан – у меня ещё часа два.

– Но ты давай всё-таки домой, а то на лбу у тебя фамилия не написана, не каждый знает, что с тобой лучше не связываться.

Я усмехнулась.

– Ты же связалась.

– Я бесстрашная – это другое дело.

– Ладно, Алёнка. Спасибо за вечер.

«И за Сашу», – добавила мысленно.

– Всегда пожалуйста. Созвонимся. И держи меня в курсе. Ты поняла, – заговорщицким тоном произнесла она.

– Договорились, – улыбнулась в ответ.

Проходя мимо красной буквы «М», улыбнулась. Как давно я не была в подземке, хотя – кто бы поверил! – очень её люблю. Это же надо, Саше добираться до дома почти целый час, а он всё равно меня проводил. Приятно.

Дома я поскорее сбросила вещи, встала под душ, а затем, намотав на вымытые волосы полотенце, достала свой дневник и кратко описала события дня. Кто знает, может быть, я ошибалась, и эти записи мне захочется перечитать?..

Он позвонил на следующий же день.

У нас была четвертая пара, и я быстро спрятала вибрирующий телефон под парту. Алёна покосилась на меня, а потом догадалась и разулыбалась.

Я сбросила вызов и как можно незаметнее набрала сообщение: «*Привет. Я на паре. Перезвони через час*».

Ответа не последовало, но чуть больше, чем через час, звонок, действительно, повторился.

Я уже подъезжала к дому, слушая музыку и глядя в окно на знакомые высотки. Не вынимая наушники, приняла вызов.

– Привет. Это Саша.

– Привет. Это Вера, – ответила ему в тон, и мы рассмеялись.

– Как отучилась?

Слышно было, что он немного нервничает, подумывая, вероятно, что бы спросить. Я же старалась держаться уверенно, хотя и сама ощущала лёгкое приятное покалывание внутри.

– Да как обычно, нормально. Как твой день прошёл?

– Хорошо, я уже часа три как закончил. Может, увидимся? Если ты не против, – поспешно добавил он.

Мне это понравилось. Обычно ребята моего круга, с которыми я общалась, считали себя королями – уж если они пригласили, ты не имеешь права отказать. А Саша интересовался. Для него моё мнение было весомо.

Это заставило улыбнуться.

– Не против, конечно. Давай через часик. Я сейчас перекушу что-нибудь и свободна.

– Я могу тебя встретить, – тут же предложил он.

О-о-ой, вот этого не надо. На секунду я замялась, придумывая отмазку.

– А давай лучше где-нибудь в центре. Так будет удобнее. Погуляем.

Трюк удался. Саша не стал настаивать, и мы договорились о встрече на Чистых прудах.

Делать всё пришлось на бегу – поесть, переодеться, поправить макияж, отделаться от водителя. К счастью, он не был заточен на то, чтобы охранять меня круглосуточно, поэтому к фразе: «Поеду на метро» отнёсся спокойно.

За полчаса я добралась до нужной мне точки, а ещё через пару минут увидела Сашу. Он стоял с цветами в руках – и одна только эта картина заставила меня вновь улыбаться.

Ромашки. Мне никто никогда их не дарил.

Это было так трогательно.

– Спасибо, – от души поблагодарила я и, поддавшись порыву, обняла его. – Так приятно!

– Я рад. Хотелось поднять тебе настроение.

– У тебя получилось. Ну что, сделаем кружок тут?

Я взяла его под руку, и мы неспеша отправились вперёд. Навстречу шли подростки и студенты, пары и одиночки, несколько пожилых людей. А мы рассказывали друг другу об учёбе и детстве, вспоминали что-то из школьных лет. Я зачем-то выдала то, что недавно проходила на парах: про типы вопросов – закрытые, открытые, риторические, переломные. Наверное, от волнения.

Саша держался гораздо лучше. Или не показывал вида, что ему тоже немного нервно.

Но всё равно было здорово. Легко.

И кто придумал все эти социальные статусы, возрастные отличия, межнациональные трудности? Душевная связь с человеком – она либо есть, либо нет. Может стать крепче со временем, но из ниоткуда вряд ли возьмётся. Если вы смотрите в разные стороны, идёте к разным целям, не умеете слушать, не интересуетесь друг другом или просто не чувствуете, как внутри что-то «дзынькнуло» – вряд ли что-то поможет.

С Сашей я сразу это почувствовала. «Дзынькнуло». Пробрало до самого сердца.

Он спрашивал обо мне, я – о нём. Не было такого, чтобы кто-то говорил, а кто-то молчал. Была гармония. Было хорошо.

Мы пешком дошли до Красной площади, и я задала вопрос, который давно меня мучил, не особенно рассчитывая на ответ:

– Интересно, почему Кремль из красного кирпича?

– Потому что красный цвет всегда в моде, – живо ответил парень, и это настолько меня поразило! И смешно, и правдиво. Теперь у меня был ответ.

Потом мы наткнулись на шаурменную. Я у таких павильонов никогда не останавливалась и шаурму не пробовала – было неинтересно. Но Саша вдруг притормозил:

– Ты не голодная? Может, перекусим?

– Нет, спасибо, – ответила просто, не желая вдаваться

в подробности.

– Ты когда-нибудь это пробовала?

– Нет.

– Попробуй. Может, понравится.

– Ну да, понравится: купи шесть штук и собери собаку.

Саша прыснул.

– Да ладно тебе! Просто попробуй. Две шаурмы, пожалуйста, – обратился он к продавцу.

– Не-е-ет, – застонала я.

К такому жизнь меня не готовила.

– Тебе правда это нравится? – уточнила я, когда мы вышли на улицу, с сомнением глядя на забитый непонятно чем лаваш.

– Ага. Я парень простой, мне незачем менять свои привычки, – сказал он, откусывая знатный кусок, а потом кивнул в мою сторону и с забитым ртом прошепелявил: – Попробуй, тебе тоже понравится. Здесь самую вкусную продают.

– Господи, сколько ж ты её уже отведал?

– Много, – не стал спорить он.

Я набралась мужества, сделала вдох и, стараясь не выглядеть слишком брезгливой, через силу откусила ма-а-аленький кусочек.

– Съедобно, – прокомментировал за меня Саша.

Дальше дело пошло ловчее, и шаурму я всё-таки съела, хотя не скажу, что получила какое-то колоссальное удовольствие или сделала для себя большое открытие. Это был мой

маленький подвиг.

Едва мы двинулись в путь, Саше кто-то позвонил и он, взглянув на экран, извинился и отошёл на пару шагов.

Я наблюдала за ним. Не из ревности, а из интереса.

Он стал другим. Отвечал отрывисто, совсем не улыбался и, кажется, разговор этот был ему неприятен.

Вернулся он через минуту или полторы, и мы продолжили нашу прогулку, не упоминая об этом. У нас было столько тем, о которых хотелось болтать!

Саша рассказывал о книгах и фильмах, которые смотрел – и делал это так интересно, что я могла в красках себе всё представить. Наш путь как раз пролегал мимо кинотеатра, и мы, остановившись перед яркими афишами, выбрали, на что хотим сходить вместе.

– Завтра? – то ли спросил, то ли постановил парень. – Так у меня будет повод снова тебя увидеть, – и вновь улыбнулся, задержав взгляд на моём лице, так что на мгновение показалось, что он хочет меня поцеловать…

А я не знаю, как бы отреагировала.

Но этого не случилось. Я кивнула, и мы условились о времени – завтра, здесь же, в восемнадцать тридцать.

День был такой длинный и насыщенный, что в вагоне метро я заснула на Сашином плече.

Он разбудил меня.

– Ты выходишь или будешь спать здесь?

– Уже наша станция?

Я не знаю, почему сказала «наша». На самом деле это была моя станция. Но даже несмотря на усталость, я не хотела расставаться.

При этом риск был велик. Шанс, что ту дверь подъезда снова кто-то случайно откроет для меня, был ничтожно мал, поэтому прощаться нужно было сейчас.

Тем не менее Саша проводил меня до выхода из метро и пошёл назад, пятясь, словно не мог оторвать от меня взгляда. Затем махнул рукой, отвернулся и быстро растворился в толпе. Я лишь успела махнуть ему вслед ромашками.

Заявляться домой с цветами было рискованно, но бросать их казалось кощунственным, поэтому я решила не трусить. Дома была одна мама, которая, заметив цветы у меня в руках, вяло поинтересовалась:

– А это что?

– Цветы.

– Ну, это я вижу, – сказала она с таким презрением, словно я тараканов домой притащила. – От кого?

– Сама купила. У бабушки в переходе.

Мать фыркнула – этого было достаточно, дополнительных комментариев не последовало, и я облегчённо вздохнула.

– Есть будешь?

– Да, что-нибудь бы перехватила.

– Там Лида приготовила борщ и котлеты. Посмотри в холодильнике.

– Хорошо. Я не спросила, как твоя встреча вчера прошла?

– Ой, да нормально, как она может пройти? Нинка опять жаловалась на своего бывшего – зачем, спрашивается, с ним вертится, если давно уже разошлись? И я понимаю, был бы ещё при деньгах – хоть какой-то толк!

– А может, у них любовь, – вставила я, отправляясь на кухню.

Вслед донеслась ухмылка.

– Не смеши меня, Вера. Я в твои годы, конечно, тоже в такое верила, но это быстро проходит.

Я включила телевизор. Продолжать разговор расхотелось.

Любви нет у тех, кому она не нужна. Я же встретила Сашу. Он нравится мне, я ему.

– Кстати, забыла тебе сказать, – мама появилась на пороге кухни, запахивая поплотнее свой дорогущий заграничный халат. – Мы завтра вечером идём на партнёрский ужин. Там будет Глеб.

– А можно хоть раз обойтись без меня? – повернулась к ней я, чувствуя раздражение и мигом теряя аппетит.

– Нет, нельзя.

– Я устала от этих ваших вечеринок, где, по сути, совершенно не нужна.

– Это не вечеринка, а официальное мероприятие.

– Мама! У меня были другие планы!

А хоть бы и не было – я терпеть не могу, когда приходится сидеть, уставшей, морально истощённой, да ещё и выдавливать из себя эмоции, держать спину ровно, не замечать ко-

сых взглядов.

– Ну, ничего, перенесёшь свои планы, – спокойно отреагировала родительница, наливая себе манговый сок – её любимый, он у нас никогда не переводился.

– Не могу.

– Почему?

Я не ответила.

Тогда мама решила зайти с другого бока. Присела рядом за стол, дотронулась рукой до моей руки – скудные нежности нашей семьи.

– Вера, если тебя что-то беспокоит, давай поговорим об этом.

– А если я не хочу говорить о том, что меня беспокоит?

– Тогда не удивляйся, что тебя никто не понимает.

– Я и не прошу, чтобы меня понимали. Я хочу, чтобы моё мнение просто уважали.

– Ах вот как? – взъерепенилась мать, вставая и тут же теряя маску хорошей родительницы. – И что же ты понимаешь под уважением?

– Чтобы другие понимали, что у меня тоже есть права, как у всех. Есть интересы, друзья, с которыми я хочу проводить время. А вовсе не с теми, кого мне навязывают.

– А тебе не кажется, что уважение – это прежде всего забота о других, чтобы всем было хорошо и комфортно?

– Уважение – это позволять другим заниматься тем, чем они хотят заниматься, и проводить время с теми, с кем ин-

тересно, а не с теми, с кем выгодно.

– Ты на что сейчас намекаешь?

– Я не намекаю, а говорю прямо. Я хочу, чтобы вы с отцом перестали таскать меня на все эти ваши *официальные мероприятия*, – передразнила я, – и сватать за Глеба!

– А чем тебе, скажи на милость, не угодил Глеб? Он достойный парень из хорошей семьи.

– Этот «достойный парень» замучил меня уже! Кружится постоянно рядом, как будто больше заняться нечем!

Мама аж замерла – то ли от удивления, то ли от негодования.

– Как ты можешь так говорить? Глеб заботится о тебе! Он очень умный, сообразительный и перспективный молодой человек.

– Ты забыла добавить, что он из состоятельной семьи, – добавила я.

– Ты так говоришь, как будто это недостаток! Сама-то любишь вкусно поесть и красиво одеться. Ты не сможешь жить по-другому, Вера. Поэтому и муж тебе нужен достойный. Твоего уровня.

– Это не главное.

– С каких это пор у тебя появились такие взгляды?

– С рождения, мама.

– Знаешь, мне иногда кажется, что даже если у дверей появится принц на белом коне, ты скажешь, что у него пуговки не костюме неподходящего цвета! Тебе не угодишь! – за-

явила мама.

Ей сложно понять, *что* может быть важнее материального благополучия. Человек, который положил жизнь на то, чтобы у неё было всё – обеспеченный муж, хорошая квартира в центре Москвы, статус, престиж, личный водитель. Она считает, что нужно найти достойную партию, а любовь – лишь приятное, но вовсе не обязательное дополнение.

Спорить с родителями бессмысленно. И лучше не навлекать сейчас на себя гнев и не привлекать дополнительное внимание.

Я поставила ромашки в вазу в своей комнате и вдохнула их ненавязчивый аромат. В тяжелой фарфоровой вазе простые цветы смотрелись не самым выигрышным образом, но главное было не это. Мне, кажется, впервые подарили букет от души – просто так, а не в качестве «светского знака» или в честь дня рождения.

Потом набрала номер Саши.

Через пару гудков он ответил.

– Привет, – и голос звучал так, словно он очень соскучился и страшно рад меня слышать.

Будто мы и не расстались всего два часа назад.

– Доброй ночи. Прости, что поздно. Решила, что лучше позвонить, чем писать. Я по поводу завтрашней встречи. Прости, у меня не получится.

На том конце провода на пару секунд повисла неловкая тишина, а потом он ответил:

– Да ладно, ничего.

– Нет, Саш, я не отменяю встречу, а просто прошу перенести, – поспешно заверила его. – Пришла домой, а тут у родителей, оказывается, уже есть совместные планы на завтрашний вечер. Давай увидимся послезавтра?

– Давай, – откликнулся он, и в его голосе мне снова почудилась улыбка.

– Тогда спокойной ночи?

– Хороших снов!

Поговорив с ним минутку, я снова стала счастливее. Почитала немного перед сном, побродила по страничкам социальных сетей и легла спать, представляя себе всевозможные варианты нашей будущей встречи.

А утром снова на учёбу. Потом пригласила к себе Алёну, чтобы она помогла мне подобрать образ к ужину. Не то чтобы я хотела выделиться, но упасть в грязь лицом – точно нет. А у подруги был отличный вкус на сочетание цветов, и комбинировала вещи она так круто, что это выглядело словно на страницах глянца – изысканно и уверенно. Я обожала ходить с ней в магазин. Даже без примерки, «на глаз» она отлично определяла, пойдёт мне или ей эта вещь или нет. Угадывала почти всегда. И даже если поначалу я говорила: «Фу, мне не нравится», после примерки меняла свою позицию.

В квартире для наших с мамой вещей была отведена целая комната – просторная гардеробная. По одну сторону шли вещи мамы, по другую – мои, а прямо – обувь, сумочки и пояса.

Прямо там же висело зеркало, чтобы можно было примерить образ и посмотреть, как он смотрится.

Я завела подругу внутрь и развела руки в стороны.

– Ну, тебе, как обычно, полный карт-бланш.

Алёнка сразу же взялась за дело. Отодвинув в сторону пару кофточек и взглянув на них лишь мельком, вытащила тёмно-синее платье карандаш и приложила к моему телу.

– По-моему, то, что надо. Ты же, я так понимаю, не настроена покорять его сердце?

– Нет.

– Ну вот. Выглядеть будешь стильно, но строго. Знаешь ли, внешний вид стимулирует работу мозга и подаёт сигналы. Если наденешь платье с декольте – мужчина прочтёт один сигнал, если офисное – другой. Меряй. У тебя серёжки какие-нибудь жемчужного цвета есть? Не очень длинные.

– Есть. И кулон к ним.

– Отлично. Туфли возьми вот эти. Ты же переобуваться будешь?

– Придётся, – вздохнула в ответ.

– И не надо так драматизировать. Получай от жизни удовольствие!

– Я должна была с Сашей встретиться…

– Небольшая разлука только укрепит ваше желание увидеть друг друга. А то если слишком часто есть сладкое, можно заработать диатез. Поэтому будем чередовать вкусное и полезное, – закончила она нараспев.

Я засмеялась.

– Всё-то у тебя просто.

– Ну да, – пожала она плечами.

Закончив с примеркой, мы перебрались в комнату. Подруга тотчас приметила цветы на столе и заинтересованно протянула:

– А это что?

– Цветы.

– Цветы-ы-ы? А от кого? А, стой, дай угадаю: от этого твоего «среднего класса», – передразнила она, припоминая мои комплексы по поводу разности наших семей.

– Перестань. Я стараюсь об этом не думать. И цветы мне нравятся. Красивые.

– Красивые, – согласилась Алёна. – Возле метро бабульки продают за сто рублей.

– Дело не в цене. У Глеба была возможность дарить мне шикарные букеты, но он ей не пользовался.

– А у «сре…», пардон, Саши, есть порыв души, но нет средств. Вот она, жизненная несправедливость. Вер, ты не обижайся, но я всё-таки спрошу: ты правда веришь, что у вас может что-то выйти? Серьёзное, я имею в виду. Твои родители – они ведь как узнают, костьми лягут, чтобы ваши пути-дорожки разошлись. Да и тебе может скоро наскучить. Ты не жила никогда такой жизнью – обычной, когда денег хватает только на скромный обед, проезд и коммуналку, а поездка за границу – это уже роскошь.

– Не поверишь, все мечтают жить моей жизнью, оказаться на моём месте, а я бы с удовольствием пожила так, как все. Без этих хором и личного водителя, без заграничных поездок. Но чтобы пришёл вечером, а тебя ждут. Ужин готовит мама, а не приходящая тётенька. И ты вместе с ней. И вы общаетесь на разные темы, и ты доверяешь ей личные тайны. А у меня что? Есть деньги, но нет семьи. Нет любви. Где это всё? Ты часто ходишь ко мне, но сколько раз пересекалась с моими родителями? Их постоянно нет. Отец на работе, у матери свои дела. Вот оно, счастье! Я не хочу, чтобы моя жизнь была такой же, когда каждый сам по себе. Чтобы мои дети чувствовали себя ненужными. Не хочу откупаться от них деньгами.

Я почувствовала, что к глазам подступают слёзы, и прервала свой монолог. Хватит жаловаться. Никто не поймёт. Даже Алёна. Для других моя жизнь – это сказка, а все претензии – это психи зажравшейся дурочки. С жиру бесится.

Алёна грустно смотрела в сторону, никак не комментируя мои слова.

– Прости, – сухо выдала я. – Чай будешь?

– Ты и правда его так любишь? – спросила она, игнорируя мой вопрос. И посмотрела как-то… сочувствующе.

Откровенничать больше не хотелось, но всё-таки я не сдержалась.

– Знаешь, всё так странно. Так внезапно. И… Мне кажется, я никогда не была так счастлива, как сейчас.

– А Глеб?

– Глеб… – горько хмыкнула я.

Глеб. Парень, которого так настойчиво сватают мне родители. И его родня вроде не против. Он подчиняется. Видно, что совсем не влюблён, но и не противится. Я поддерживаю «картинку», не проявляя излишнего интереса. Но все наши встречи ограничиваются лишь подобными сегодняшнему официальными мероприятиями, и ни у одного из нас нет даже мысли встретиться вне этого минного поля. У меня даже нет никаких его контактов, хотя такими «кругами» мы ходим уже два года.

Как же описать Глеба?

Да, симпатичный, высокий, светло-русый. Но симпатичный каким-то холодным «оттенком». Такие парни обычно играют в кино обаятельных мерзавцев – сначала в них все влюбляются, а потом он как отчебучит что-нибудь. Мне такой тип не нравился совершенно. И Глеб мне не нравился в частности. Ну, как знакомый – пожалуйста. Но не как парень.

Он был единственным сыном. Фраза «он гений» звучала в этой семье на завтрак, обед и ужин. В детстве Глеб перепробовал всё – ходил в музыкальную школу, рисовал, посещал всевозможные спортивные секции, но в итоге забрасывал. Сейчас работает в команде своего отца, возглавляет какой-то отдел в банке. И вряд ли его планы совпадают с теми надеждами, что питают мои родители. Жениться в двадцать

четыре года он точно не будет. Ни на мне, ни на ком-то другом. Я это чувствую. Поэтому, вероятно, и не ощущаю угрозы с его стороны. А родители… Ну, пусть помечтают.

– Понятно, – не дождавшись ответа, усмехнулась Алёна. – Так что, чай-то будет?

Я засмеялась и, постаравшись отбросить грусть, увлекла подругу беседами об учёбе.

Как ни пытаешься оттянуть время, оно всё равно наступает. И этот вечер тоже настал. За нами приехал папин водитель, мы с мамой сели в машину, отец встретил нас у ресторана, что находится в полностью застеклённом здании на приличной высоте. Сквозь окна я видела сотни мерцающих огней, и если бы не гул со всех сторон, вполне могла бы почувствовать себя счастливой. Я люблю Москву. Особенно вечером.

Не всегда я к ней благосклонна. Порой серость будней, наглость провинциалов и некомфортный климат выводят из себя, но в целом – это мой город. По ритму, амбициям, драйву. Я люблю гулять, вставив наушники в уши – несколько часов подряд, не считая километры – отличный способ привести в порядок мысли. Не представляю, как люди живут в маленьких городках, где и пойти-то некуда, и все тебя знают. В чём-то этот город похож на мою семью – тут много возможностей, много людей вокруг, но каждый сам по себе и сам за себя.

Я поворачиваюсь лицом к публике. Люди уже поделились на группки, смеются, наполняют бокалы, наклоняются выгодным образом – так, чтобы все невзначай увидели и оценили их новую причёску, колье или сумочку. Я знаю этот мир. Но так к нему и не привыкла. Все эти люди очень оберегают свои интересы, своё пространство, поэтому им нет ни до кого дела. Каждый сам по себе. Никто никем по-настоящему не интересуется, ни про кого не знает, разве что на уровне сплетен. Да и зачем? Здесь важен фасад, даже если само здание нуждается в капитальном ремонте. Главное, вовремя нацепить правильную маску, даже если душа кровоточит или залезла перед совестью в такие долги, что вовек не откупишься.

Я помню, как-то раз была дома и попросила маму прийти – мне было так плохо, болел живот. Со мной была няня. Мне было лет шесть. Мама сначала со мной посюсюкала в телефонную трубку, мол, не могу, но ты поспи, я тебе потом новую игрушку принесу. Я хныкала и просила прийти поскорее – не надо игрушек. И тогда она крикнула мне грубым голосом:

– И что я приду? Что? Тебе полегчает?

Что мне было сказать? «Да, полегчает, просто побудь со мной рядом»? Ей не понять. Я расплакалась. Потом уснула. Сказку мне, как обычно, читала няня. Но в тот момент я, кажется, впервые почувствовала то, что потом ощущала всю жизнь: своё одиночество.

Рядом, конечно же, были люди – водители, няня, помощники по хозяйству – но это был персонал, которому платили за работу. Были учителя и одноклассники – но и это всего лишь приятели: встретились, обменялись парочкой новостей и разошлись.

По-настоящему дружбу я ощутила тогда, когда поступила на журфак и познакомилась там с Алёной. Она стала первым и единственным пока человеком, который знал обо мне больше всех и искренне, кажется, интересовался моей жизнью.

Нехотя, я всё же присоединилась к родителям, и мы отправились к семье Лихачёвых. Глеб в стильном костюме, уже успел натянуть улыбку, глаза нацелены на меня, но, в отличие от губ, совсем не улыбаются.

Мы поздоровались и, постояв несколько минут в компании родителей, чьи разговоры нам совершенно неинтересны, всё-таки уединились. Стоя у панорамного окна с бокалом шампанского, я чувствовала себя немного раскованнее. Глеб не любит меня и знает, что тоже мне неинтересен – это спасает ситуацию и облегчает взаимопонимание. Вот только родители этого не видят или считают, что «стерпится-слюбится».

– Вы ведь недавно вернулись из отпуска. На Канарах, кажется, были? – первым начал разговор Глеб.

Я улыбнулась, но ограничилась коротким ответом:

– Да. Там прекрасно.

– А мы ездили в Италию. С погодой пару дней не везло, но потом всё наладилось, кто-то включил солнце, и я даже сумел загореть, – он чуть приподнял рукав пиджака, демонстрируя смуглую кожу.

Я засмеялась.

– Тебе я, конечно, не конкурент, – оглядывая мою фигуру, по-доброму усмехнулся он.

– Да ладно. Признайся честно, сколько итальянок сломали себе шею, оглядываясь на тебя?

Теперь настал черёд рассмеяться ему.

– Ты же знаешь, мама строго блюдит за мной, чтобы я и в мыслях не изменял той, кого они мне уже подобрали.

– Даже у меня всё не так деспотично.

– У тебя кто-то появился? – тут же удивлённо приподнял он бровь.

Как в воду смотрел!

– Нет, но ты же понимаешь, что однажды нам придётся их разочаровать…

– Ну-у-у… Боюсь, это может быть скоро, потому что мои уже намекают на свадьбу.

– При том, что у нас даже не было ни одного свидания, не считая всех этих встреч на официальных мероприятиях, – подхватила я.

– Если ты хочешь… – лишь начал он, но я перебила.

– Глеб!

– Я просто проверил, – тут же со смехом он поднял вверх

руки, признавая своё поражение.

– Не обижайся, ты хороший парень, просто не мой типаж. Если найдёшь кого-то первым, я не обижусь.

– Фух, – выдохнул он с театральной гримасой.

– Уже нашёл? – по-своему истолковала я его реакцию, затаив дыхание. Это облегчило бы мою совесть.

– Нет, но ты же понимаешь, что однажды нам придётся их разочаровать… – повторил он за мной.

Вообще-то, в школе Глеб мечтал стать актёром и участвовал во всех школьных постановках. Но родители, естественно, были против, поэтому теперь он работает в банке и, кажется, ничуть об этом не жалеет. По крайней мере, не показывает вида. А вот задатки актёра остались…

– Мне кажется, мы заходим на второй круг.

Мы опять посмеялись, а потом началась официальная часть, и можно было ненадолго умолкнуть.

Меня хватило на пару минут. А после я стала переписываться с Алёной и Сашей, и вечер стал в два раза лучше.

Домой мы вернулись ближе к полуночи. Отец – изрядно захмелевший, мама – уставшая. Я сразу же скрылась в своей комнате и, осилив всего пару страниц книги, выключила свет. Следующий день обещал стать куда более приятным. Нас ждала встреча с Сашей.

Он ждал меня у метро. Изначально мы собирались в кино, но потом передумали и просто отправились бродить

по Москве. Нам было, о чём поболтать.

Единственное, что меня насторожило (уже второй раз!) – ему снова кто-то позвонил, он снова отошёл на значительное расстояние и отвечал сдержанно и не слишком довольно.

Расспрашивать было неудобно, и я промолчала. Постаралась как-то отвлечься от гнетущих мыслей и стала вспоминать своё детство. О том, как рисовала картинки, помещала их в самодельные конверты и бросала в почтовые ящики одиноким бабушкам и дедушкам в нашем подъезде (тогда мы жили куда скромнее).

А ещё в детстве у меня была гувернантка, но вовсе не добрая старушка Арина Родионовна или строгая, но справедливая Мэри Поппинс. Скорее, она была похожа на Фрекен Бок. Довольно грузная, с сердитым выражением лица и бескомпромиссным способом воспитания. Она умело играла «милую старушку» перед моими родителями, но как только за ними закрывалась дверь, я должна была ходить на цыпочках, не требовать есть, пока не дадут и тихо сидеть со своими игрушками. Она же могла подолгу болтать по телефону или смотреть сериалы по телевизору.

– Звучит как фильм ужасов, – посочувствовал Саша. – И ты не жаловалась родителям?

– Жаловалась, конечно. Они не верили. Перед ними она ведь играла другую роль. Думали, я просто обиделась на неё за то, что не скупает мне все игрушки, которые требую. Она им так сказала.

– И сколько так длилось?

– Около года. Нет, чуть поменьше, месяцев восемь. Я точно не помню, мне было четыре года. Но однажды отец пришёл раньше с работы за какими-то своими бумагами и застал весьма живописную картину: я сижу в одиночестве и рыдаю в одной комнате, гувернантка, которая должна была мной заниматься – в другой, общается по телефону. В общем, был скандал, и больше я её, к счастью, не видела. Потом пришла другая тётечка, помоложе. Учила меня рисовать. Но через год у неё родился внук, и она уехала. Потом была третья – где-то полгода. А потом я пошла в школу и стала самостоятельной.

Ну, точнее, меня возил водитель, на дом приходила репетитор – с ней я учила второй язык, а ещё была няня, которая кормила меня и всюду сопровождала. Но об этом я Саше уже не сказала.

– В общем, как-то так. А какими увлекательными историями можешь похвастаться ты? – сощурив хитрый взгляд, взглянула на парня.

– М-м-м, дай-ка подумать… По семейному преданию, был у нас когда-то прадедушка, который поругался на рынке с цыганкой, и та его прокляла. Само собой, никакой цыганки не было, а прадедушка был милейшим человеком, не обидевшим за свою жизнь даже мухи, но всё-таки приятно, когда есть на кого свалить вину, если что-то идёт не так. А у нас вечно всё идёт не так. Почему-то я постоянно оказываюсь

в неподходящее время в неподходящем месте.

– Ну, один раз точно повезло, – как бы между прочим заметила я. – Например, когда ты пришёл на квартирник к Алёне и случайным образом встретился с девушкой…

– А-а, такой, рыженькой, – подыграл он.

– Ну да, у неё русые волосы с рыжеватым оттенком. И, зовут, кажется, на букву «В».

– Точно! Ну, однажды должно же было повезти кому-то в моём роде. Я счастливчик.

Мы засмеялись, а потом возникла неловкая пауза. Он как будто хотел меня поцеловать – мы даже идти стали медленнее, – но не решился.

– Расскажи про свою семью, – попросила я, не выдерживая. – У тебя есть братья или сёстры?

– Нет, я один.

– А хотелось когда-нибудь?

– Да, от брата я бы не отказался. А у тебя есть?

– Никого, – грустно вздохнула я. – Мне бы очень хотелось. И сестру, и брата. Я даже имена им придумала в детстве. Ну, я же не знала, кто это будет – сестра или брат, но очень надеялась, что он появится. Должен был появиться. Но родители решили по-другому. В общем, мама сделала аборт. Мне было восемь лет и, кажется, я переживала по этому поводу больше всех.

Задерживаться на грустной ноте мне не хотелось, и я постаралась скорее продолжить беседу:

– А кем работают твои родители?

По непонятной причине Саша молчал.

Я взглянула на него, не зная, чем вызвана эта заминка. Может, задумался и не услышал?

– Не знаю, как тебе сказать, – наконец начал он, кажется, продумывая наперёд каждое слово. – Я не могу так просто ответить на твой вопрос. Придётся начинать издалека. И это совсем не простая история.

Я смотрела на него, словно давая согласие на то, чтобы слушать. У него просто не было выбора.

Оказалось, что в детстве у Саши была счастливая семья. Жили они в Ростове, потом переехали в столицу, и здесь Саша пошёл во второй класс. Освоился быстро, нашёл друзей. Жили скромно, но планы были громадные. У папы отец жил в Москве – Сашин дедушка. Бабушка умерла лет десять назад. А отец Сашин был военным, поэтому в детстве им часто приходилось переезжать. Но Саша был поздним ребёнком, родителям было уже прилично за тридцать, когда он появился. Поэтому в его памяти остались только Ростов – там они жили три года и Москва – в неё он влюбился сразу же.

Потом отец погиб. Саша не сказал почему, а я не нашла в себе храбрости, чтобы спросить. Мать начала пить. Он, чтобы прокормиться (учился тогда в седьмом классе), сдавал бутылки. Однажды мать даже забыла про его день рождения – он тогда очень плакал. Иногда у неё наступали моменты просветления, и тогда она каялась. Но хватало её нена-

долго. Пришёл раз домой, а мужики выносят его кровать – мать продала. За две бутылки. С тех пор он спал на полу на матрасе. А однажды эту картину застал его дед, который пришёл наведаться к внуку с невесткой, зная об их «нестабильной» ситуации. И сказал Саше одно только слово: «Собирайся». Но мальчик проявил твёрдость духа:

– Тогда мать совсем пропадёт. Я хоть от неё алкашей других прогоняю.

Порой было страшно. Пьяные мужики ломились в квартиру, соседи звонили в полицию, а он – пятнадцатилетний мальчишка – грудью стоял: «Не пущу!» Мать могла сутками спать, потом выходила на пару дней на работу – мела дворы. Потом опять уходила в запой. Её жалели, не увольняли. А она давно уже не любила ни жизнь, ни сына. Только водку.

Однажды Саша буквально чудом сумел её стащить с окна – собралась уже прыгать. Вряд ли разбилась бы насмерть – третий этаж, но повредилась бы сильно, и что тогда? С пятнадцати лет ухаживал бы за матерью-инвалидом?

Всё изменилось в одночасье. Саша учился в одиннадцатом классе, готовился к поступлению в вуз, уже знал, что за направление выберет – информационные технологии. С матерью не советовался – ей всё равно. А вот деда спросил – тот одобрил.

Мать пришла, когда он делал уроки. Стукнула дверь – прислушался. Если сейчас всё вокруг начнёт грюкать – значит, пьяная.

Но было тихо.

Пару минут он подождал, потом вышел в коридор.

Мать сидела на пуфике, подняла на него мутные глаза и слабым голосом произнесла:

– Я у отца была…

«Совсем крыша съехала», – подумал Саша.

– На кладбище, – добавила мать. – Он мне снился сегодня. Представляешь, первый раз за все годы. И так ругал! – она схватилась за голову, опустила её, прижимая к коленям. Потом опять заговорила: – Сказал потом: «Пойдём со мной». И вижу, входим в какое-то помещение. А кругом иконы, свечи, пахнет ещё так… Я поняла, что мы в церкви. И говорю: «Мне сюда нельзя». А он отвечает: «Сюда-то тебе и надо». И проснулась. Пошла на кладбище, потом домой возвращаюсь – дай, думаю, в нашу церковь зайду, тут вот, на соседней улице. Захожу, а там внутри как во сне. Всё то же – иконы те, свечи… Эти… подсвечники, в общем, в тех же местах… Разве такое может быть, Сашка? Вот и я думала, что не может. Тут батюшка идёт, остановился рядом и говорит: «Вам, может быть, помощь нужна?» А у меня слёзы как покатились… Ну, я ему всё рассказала – про жизнь свою непутёвую. Потом говорю: «Ой, вы же, наверное, куда-то шли… Извините, что я так…» А он отвечает: «Приходи, сестра, завтра на исповедь». И дал мне молитвы, которые прочитать нужно. Как думаешь, Сашка, есть у меня шанс новую жизнь начать?

В этот момент она смотрела на него так, как утопающий

смотрит на шлюпку вдали – свой единственный шанс к спасению.

– Если ты этого захочешь – сможешь, – уверенно заявил парень.

– Я смогу, – повторила она. И сразу же, не разуваясь, вынула из тайников водку и вылила всю в раковину.

Он тогда сразу поверил, что она сможет. Но мать сорвалась. Несколько раз срывалась, но упрямо ползла к своей цели – начать новую жизнь. Трезвую.

Дед помог ей с лечением – определили в больницу. Саша неустанно следил, чтобы она не связалась со старой компанией и проверял тайники – всё было пусто. Три года шла эта борьба. Но мать не пьёт. Нашла работу. И Саша ей верит.

В институте и в школе над ним посмеивались: спортсмен, вот и не пьёт. А он не пил потому, что перед глазами всю свою жизнь видел пример – ужасный пример – мать-алкоголичку. Та не просто пила – приглашала своих собутыльников, пару раз чуть не сожгли квартиру. Потеряла моральный и физический облик и всякую цель – зачем жить, если день начинается и заканчивается бутылкой, а если пить нечего – хочется умереть.

К счастью, этот этап они миновали. Хочется верить, что навсегда. Но отношения со сверстниками у Саши были весьма холодными. Общался он близко только с Алёной, которая на время стала его соседкой, и приятелем со школьных лет Максом.

– Каждый видит на свой лад, – хмыкнул парень. – Один меня переоценивает, но от этого я не стану лучше. Другой недооценивает, но от этого я не стану хуже. Часто мы имеем дело с кривым зеркалом общественного мнения: утверждаемся за его счёт или, наоборот, защищаемся от него. Но не становимся от этого счастливее. Всё внутри нас. Не стоит гоняться за отражениями. И… Я, правда, не очень хотел говорить об этом, но рано или поздно пришлось бы. Лучше сейчас. Если это тебя оттолкнёт – я пойму. Но я хочу быть с тобой честным. Потому что это моя жизнь, и это часть меня.

– Это мама тебе звонила, когда ты ушёл? – спросила я.

Он на секунду взглянул на меня и кивнул:

– Да.

Паззл сложился.

– Если бы я сказал, ты стала бы про неё расспрашивать, и мне пришлось бы ответить… В общем, я не хотел.

– Я понимаю… А отец? Можно спросить, что случилось?

Он тяжело вздохнул.

– Ничего криминального. Несчастный случай. Сбила машина. Смертельный исход. Нам сказали, он умер сразу.

– Соболезную, – сказала я виновато, понимая, что эти слова ничего не изменят. И даже вряд ли смягчат моё любопытство.

– Спасибо. Поначалу было очень тяжело. Но я помню о тех днях, когда мы были вместе, только хорошее. Правда,

говорить об этом вслух до сих пор больно. Я с тех пор многое понял. Не сразу, конечно. Просто много анализировал, пытался вспомнить его последние слова, когда мы виделись утром. Никто ж не думал, что это в последний раз. И вот что понял: нам кажется, что сутки – это ничтожно мало, они ничего не смогут изменить в жизни. Ну что такое каких-то двадцать четыре часа? Но, на самом деле, ни у кого нет гарантии, что он закончит день тем же, кем был с утра. У нас день тоже начинался как обычно. Как у всех счастливых семей, которые просто живут и живут, не замечая счастья, а принимая его как должное. Проснулись, умылись, позавтракали, обсудили планы на выходные – это был четверг, как сейчас помню, и мы собирались в субботу в зоопарк. Отец ушёл первым, потом я отправился в школу. А к вечеру прихожу – дома куча людей, все плачут, мама бьётся в истерике… За сутки вся жизнь перевернулась. Я с тех пор по-другому смотрю на время. Да и на жизнь.

Каким-то неромантичным выдалось это свидание – эмоционально-тяжёлым. Но искренним. И я понимала – как бы грубо это сейчас не звучало – что мы стали ближе друг к другу. Эти озвученные Сашей переживания доказали мне его честность: вот он я – такой, какой есть. И семья у меня непростая. Хочешь – принимай. Боишься – уходи.

Но я не боялась. Я хотела его обнять. Но вместо этого взяла за руку. Сама.

Так мы и шли рядом: два ненужных никому человека, чу-

жие в собственных семьях. Но уже не чужие друг другу.

На следующее утро оказалось, что, пока я гуляла с Сашей, мои родители договорились с Лихачёвыми и решили устроить «семейный ужин». У нас. Видимо, помочь таким образом детям – нам с Глебом.

Раньше пересекаться приходилось лишь на нейтральной территории, а тут – почти один на один, у нас дома. Да ещё и при том, что лишь позавчера мы с ним виделись! Не слишком ли часто?

Я, конечно, предприняла попытку отвертеться, но безуспешно.

– Мам, ну это же у вас гости.

– Ошибаешься. С ними придёт Глеб. Вы, кажется, неплохо поладили?

Да. Выяснили отношения и поняли, что вместе нам быть не светит. Не очень-то хочется.

– Может, мы сами будем решать?

– Конечно, сами. Кто ж против? А сегодня просто поужинаем.

На «простой ужин» мать заказала столько еды, будто мы свадьбу гулять задумали. Стол ломился, меня заставили надеть платье, хотя я отчаянно сопротивлялась.

За двадцать минут до прихода гостей мама придирчиво осмотрела стол и радостно постановила:

– Хорошо. Мужчины любят вкусно поесть. Скажем, что

этот салат ты готовила.

– Зачем? – закатила глаза я.

– Пусть Глеб видит, какая ты у него хозяйка!

– У него? – фыркнула я.

– Какая же ты, Вера, бываешь грубая! – обиделась мама.

Я предпочла промолчать. Что угодно, лишь бы не скандал. Пусть думает, что всё идёт по её плану. В конце концов, жениться здесь и сейчас нас никто не заставит.

Но всё пошло по худшему из сценариев. Глеб принёс розы – один букет мне, другой маме. Я поставила их в вазу и отнесла в гостиную. В моей комнате всё ещё стояли Сашины ромашки, и я не хотела устраивать «конкуренцию».

Потом мы сели за стол, выпили по бокалу вина за встречу, и началось…

– Наш Глебчик уже с третьего класса увлёкся Верочкой. Все уши о ней прожужжал. «А Вера то…», «А Вера сегодня получила «пять» по математике»…

Я удивлённо приподняла бровь и посмотрела на парня. Он улыбнулся и виновато пожал плечами. Об этом факте его биографии я не знала.

– Сперва я встревожилась, – продолжала его мама. – Что за навязчивые идеи в столь нежном возрасте? Но, познакомившись поближе с Верочкой и её семьёй, успокоилась и поняла, что такая девушка станет хорошей невесткой. Умная, воспитанная, из хорошей семьи…

Ну да, а если бы семья была из другого круга – та же самая

«Верочка» вмиг была бы разжалована.

Я всё это слушала, ёрзала на месте, думала, как много во всём этом фальши и лицемерия. А тут до моих ушей долетело:

– Этот салат, кстати, Верочка приготовила.

– Очень вкусно, – похвалила мама Глеба.

– Неправда, я не умею готовить, – сухо отчеканила я.

Все взгляды мгновенно были переведены в мою сторону, и на несколько секунд повисло неловкое молчание.

Я ведь предупреждала: не надо врать.

– Да какая разница? – в конце концов нарушила тишину мама Глеба. – Я к этому нормально отношусь. Главное, чтобы сыты были.

– Я на минутку, – бросила я, отрываясь от стула и почти выбегая из кухни.

Больше не могу. Сейчас стошнит от этой постановочной пьесы, в которой я вынуждена принимать участие. И чем дальше – тем хуже! Им самим не противно? Устроили тут театр!

– Я скоро вернусь, – услышала я за спиной спокойный голос Глеба, и через пару секунд он вышел следом, остановившись позади на почтительном расстоянии.

– Привет.

– Привет, – выдохнула я.

– У тебя что-то случилось?

– С чего ты взял?

– Ты грустная. Сбежала ото всех.

– Да нет, всё в порядке.

Я промолчала.

Просто если начну рассказывать об этом – стану плакать. Бывают в жизни такие моменты, когда хочется всё бросить, изменить свою жизнь, а как это сделать не знаешь. И когда всё достало, и кажется, что всё плохо… Ерунда, в общем. Пройдёт.

– Может, рванём тогда в клуб? Пусть они тут свои взрослые беседы ведут, а мы без них потусуем.

– Только я возьму с собой подругу, – повернулась к нему наконец, испытующе глядя в лицо.

Уж не передумал ли он за два дня? Мы ведь всё решили.

– Без проблем, – развёл он руками, демонстрируя, что не против.

Я уединилась на лестничной клетке – так надёжнее – и спешно набрала номер подруги.

– Алён, тут дело важное есть…

Она не заставила себя упрашивать. И ждать её тоже не пришлось.

Когда мы подъехали к зданию клуба через час, подруга уже была там.

Познакомив их с Глебом, я облегчённо вздохнула, чувствуя себя теперь в более выигрышном положении, и проследовала внутрь, где уже вовсю толпился народ, гудела музыка, рекой разливались напитки.

Я не фанат таких заведений, но сегодня мне нужно было сбежать. И не важно, куда.

Мы заняли столик с диванами. Глеб отлучился на пару минут, увидев кого-то из своих знакомых, а Алёна, наклонившись к моему уху, закричала, чтобы перекрыть музыку:

– Не понимаю, чем он тебе по душе не пришёлся. Красивый парень, да ещё при деньгах.

– Просто у меня есть правило, которому я не изменяю. И это правило гласит: если вы сразу не понравились друг другу – никаких скользких сделок с совестью. Без попыток «присмотреться», «притерпеться» и «дать второй шанс».

– Сурово, – хмыкнула Алёна. – Но справедливо.

И подняла бокал, чтобы выпить. А после снова поинтересовалась:

– Значит, у Глеба нет никаких шансов?

Я отрицательно мотнула головой.

– И он это знает.

Парень всё не возвращался, и я уже уморилась сидеть здесь, понимая, что могла бы быть совсем в другом месте, совершенно в другом обществе…

– Слушай, мне неудобно просить тебя об этом…

– М? – тут же повернулась ко мне подруга.

– Я хочу уйти.

– А как же… – начала она.

Заканчивать не было надобности.

– Ему и так весело. Напишу эсэмэску. Ты со мной?

– Не, я останусь ещё. Но ты поезжай, я не против.

– Правда?

– Конечно.

– Ты не обидишься?

– За что, Вера? За то что бесплатно меня сюда провела? Нет, конечно, – засмеялась она.

– Спасибо, – я чмокнула её в щёку, схватила сумочку и поспешно сбежала.

Пусть и не очень красиво. С Глебом потом объяснюсь. А родителям вообще знать об этом не нужно.

Я решила прогуляться по центру. До набережной было рукой подать, и народ там всегда тусовался.

Поколебавшись, набрала номер Саши. Десять вечера – не самое лучшее время для звонков, но вряд ли он спит.

– Привет, я как раз о тебе сейчас думал, – без предисловий выпалил он, и я тут же улыбнулась, чувствуя себя намного лучше. Как будто одна его фраза могла волшебным образом смыть с меня все заботы этого дня.

– А я думала о тебе. И решила позвонить.

– Правильно сделала. Как прошёл день?

Рассказывать про Глеба я не стала. Лишь вскользь упомянула о том, что к родителям пришли гости, а я, посидев для приличия, ушла погулять.

– Не поздновато для прогулок в одиночестве?

– Но я ведь не в одиночестве. Я с тобой.

Мы болтали больше часа, меняя темы без пауз, постоянно

вдохновляясь чем-то новым и узнавая друг о друге какие-то мелочи, которые составляли всё более чёткое представление о собеседнике.

Мы не договаривались о новой встрече, но я точно знала – она у нас будет.

– Напиши мне, когда доберёшься, – попросил Саша.

Я сообщила, что уже у метро и еду домой. Стрелки часов стремились к полуночи, и стоило бы вернуться, пока родители не вспомнили, что у них есть дочь.

Я надеялась лишь, что ужин уже закончился – пора и честь знать.

– Обязательно. Целую, – поддавшись порыву, сказала я.

– И я, – ответил в такт Саша, и мы распрощались.

Дома действительно было тихо, и я, прошмыгнув в свою комнату, спокойно легла спать, не забыв выполнить обещание и написать Саше.

Мы снова пожелали друг другу спокойной ночи, и я почти сразу заснула, вдохновлённая последним счастливым аккордом этого дня.

– Господи, Боже мой, Вера, вставай! – мама стояла надо мной, тряся за плечо.

Давно она себе такого не позволяла. А если быть точной – по-моему, даже никогда.

– Что случилось? – пытаясь разлепить глаза и собрать в кучу мысли, промямлила в ответ.

– Там… Глеб…

– Что Глеб? – с огорчением от того, что меня из-за этого разбудили, пробормотала я.

– Вы вчера вместе из клуба ушли?

– Ммм… – протянула я сонно и честно призналась: – Нет, он остался.

– Пожар в клубе. Вчера ночью. Я до Лены дозвониться не могу, узнать, всё ли с ним нормально. Сейчас по новостям увидела…

Из обрывочных речей мамы стало понятно, что в клубе, где мы вчера были, случился пожар. И, увидев это по телевизору, мама кинулась будить меня. По дороге, конечно, позвонила маме Глеба – своей подруге, – но та не ответила.

– Ну, попробуй ещё раз, – прикрикнула я, включая свой телефон и судорожно набирая номер Алёны.

Подруга, к счастью, ответила быстро. И, кажется, голос её тоже был сонным.

– Да-а, – выдохнула она.

– Алёна! С вами всё в порядке?

– Да, – повторила она, теперь уже настороженно.

– В клубе, где мы вчера были, случился пожар.

Кажется, мамина нервозность передалась и мне. Вот только она переживала за «возможного зятя», а я – за лучшую подругу.

– О, Боже. Нет, мы этого не застали. Ушли с Глебом примерно через час после тебя.

– С Глебом? – переспросила я, закрывая дверь в ванную и понижая тон, чтобы мама случайно меня не услышала.

– Ну да. Разговорились, решили прогуляться. Сколько сейчас? Вер, не поверишь, я только два часа назад домой вернулась.

– О-о, насколько хорошо вы нашли общий язык, – засмеялась.

– Надеюсь, ты не ревнуешь?

– Нет, – вполне искренне ответила я, и, понизив голос почти до шёпота, призналась: – Откровенно говоря, если у вас что-то срастётся, я буду только рада. Сразу столько вопросов ко мне отпадёт.

Алёна засмеялась:

– Буду рада помочь.

Я дала подруге возможность выспаться и сообщила маме, что с Глебом всё в порядке.

– Ты до него дозвонилась? – тут же схватилась она за эту идею.

– Нет, не до него, а до своей подруги. Мы вчера втроём там были. Они ушли чуть позже, но вместе, так что всё в порядке.

– А почему вместе с Глебом ушла не ты, а твоя подруга? – тут же нахмурилась мама.

Я поспешила увести разговор в другую сторону:

– Мам, перестань, а? Есть у нас что-нибудь перекусить? А то скоро на пары…

Алёна, ожидаемо, на занятиях не появилась. А я ждала

встречи с Сашей, постоянно вспоминая об этом и невольно улыбаясь. Влюблённые – они ведь немного блаженные, не зря говорится.

Он написал мне с утра, когда я ехала в институт. Спросил, во сколько освобожусь, и предложил встретить. Я отказалась. Назначила встречу возле метро. Потому что опять испугалась.

Испугалась, что кто-нибудь что-нибудь ему скажет. Или он сам увидит и догадается.

Почему я вечно должна выпутываться, что-то придумывать, врать ему? Почему Саша смог мне честно сказать о своей ситуации, а я не могу? Не так, конечно, мол, «я богатая, мой папа в Москве большая „шишка“, и вообще, живём мы не там, я тебя обманула». Но как-то мягко… Лучше сейчас.

Сегодня я честно попыталась сказать Саше правду. Но из этого ничего не вышло. Едва я собралась с духом и выпалила: «Саш, мне нужно сказать тебе…» – он схватил меня за руку и прижал палец к губам.

– Смотри!

Перед нами открывался роскошный вид на Москву-реку, а на бетонном парапете недалеко от нас городским пейзажем любовались два голубя.

– Прямо как мы с тобой, – хмыкнул парень.

Я засмеялась. Сходство, действительно, было.

Но на душе стало мутно. Больше я не смогла поднять эту тему.

Мы отправились в парк, по пути зашли в супермаркет за мороженым и Саша, заметив внутри автомат с игрушками, остановился.

– Играла когда-нибудь в эту штуку?

– В детстве, – призналась. – Ни разу не выиграла.

Он как-то странно посмотрел на меня и приблизился к стеклянной витрине, разглядывая набросанные кучей мягкие игрушки.

– Какую хочешь?

– Саш…

– Выбирай. Вот эта пойдёт?

Он указал на медвежонка, и я кивнула, не особенно веря в успех этого дела. Я была твёрдо уверена, что всё это – «развод на деньги» и срабатывает система только спустя определённое количество поражений.

Затаив дыхание, я наблюдала за тем, как парень опускает в отверстие десять рублей, смело берётся за игровой рычаг и взвешенно, неспеша ведёт металлическую «хваталку» к игрушке. Рассчитав алгоритм, он нажал «спуск». «Лапа» схватила медведя, поднялась, зависла на пару мгновений, а затем потащила его к отверстию и уронила ровно туда – в лоток для выдачи подарков. Уже через секунду я ошарашенно смотрела на Сашу, пока он доставал свой трофей и с улыбкой протягивал мне.

– Как ты это делаешь? Я думала, тут никто никогда не выигрывает!

– Значит, нам повезло.

– А ты вообще везучий?

– Теперь я думаю, что да.

– Почему теперь? Из-за медведя?

Он усмехнулся.

– Потому что я встретил тебя.

– Я серьёзно!

– Я тоже.

Мы уже вышли из магазина и встали в сторонке. Вроде бы говорили смеясь, но это явно была не шутка. И я не знала, как реагировать… А Саша как будто хотел меня поцеловать, но не решался. Снова.

В конце концов нас оттолкнули открывшейся дверью, и мы продолжили маршрут в сторону парка, по дороге придумывая мишке имя. Остановились на «Ронни».

Потом я рассказала про свою кошку Шанель, а Саша – про то, что всегда хотел иметь дома кота, но в связи с непростой ситуацией эти мысли как-то ушли на задний план.

– Познакомишь меня со своей кошкой? – спросил он, и я нервно сглотнула.

– Обязательно, – произнесла в ответ и снова проявила чудеса изобретательности, меняя тему: – А пойдём завтра в кино? Мы ведь так и не сходили.

– Я бы рад, да не могу. У меня завтра смена.

– Смена?

– Да, я работаю.

– Кем?

Было видно, что ему не хотелось об этом говорить. А если бы знал, что я из тех самых, о ком он так «невыгодно» высказывался в первую нашу встречу – возможно, и вовсе прекратил бы наше общение. И уж точно был бы менее расположен ко мне, чтобы так много рассказывать.

– На автомойке.

Я сглотнула. Ну да. Родители были бы в ужасе. Это не Глеб – в идеально отглаженном костюме, в кожаном кресле, у папы под боком.

– А почему не по специальности?

– Пока ничего не нашёл.

Видно было, что ему это не очень приятно, поэтому я, как могла, постаралась сгладить ситуацию.

– Ты молодец. Я бы тоже хотела где-нибудь работать.

– У нас кассиры нужны были. Если хочешь, спрошу, – он вопросительно взглянул на меня, и я кивнула.

Машинально. Решила обдумать потом.

Но, с другой стороны, я же хотела самостоятельной жизни? А для того, чтобы не зависеть от родителей, я должна начинать прокладывать себе путь. Пусть так, зато рядом с Сашей. Кассиром – это нормально. Многие так живут и работают.

– И давно ты работаешь?

– Почти восемь месяцев.

– И как?

– Работа – она и есть работа. Устаёшь, но зато свои деньги. Маме сейчас нужны лекарства для восстановления, а они не дешёвые. И дедушка мне всегда говорил, что мужчина должен уметь как можно больше. Вот я и решил, что пора начинать.

– Дедушка? – переспросила.

– Да. О, – тут же воодушевился парень. – Я вас как-нибудь познакомлю. Он удивительный человек.

И уже через два дня, когда мы снова увиделись, предложил:

– Ну что, готова познакомиться с моим дедом? Я ему сообщил, он нас ждёт.

– А это точно удобно? – как-то смутилась я.

А вдруг взрослый человек с трезвым взглядом на жизнь сумеет разглядеть во мне то, что я скрываю? Что я «не такая», что Саше не подхожу? А потом ему скажет об этом…

И всё же отступать было поздно. И я согласилась – хотя это была чистая формальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.